

DOI: 10.31857/S032103910023600-3

ЕГИПТОЛОГИИ 200 ЛЕТ

У «Вестника древней истории» есть добрая традиция поздравлять с юбилеями выдающихся ученых среди своих авторов, и не только их. Сейчас у нас есть уникальная возможность поздравить не отдельного человека, но целую науку — уникальная потому, что мы практически никогда не можем сказать определенно, когда родилась та или иная новая дисциплина. Применительно к египтологии это не так — 14 сентября 1822 года, когда Жан-Франсуа Шампольон прочитал первые египетские имена без помощи греческой билингвы, справедливо считается ее днем рождения.

С самого начала было понятно, что египтология — это совершенно новое явление со своей большой спецификой, и чем дальше, тем более очевидной эта специфика становилась. Уже первые попытки изучения памятников, главным образом в рамках комплексного изучения страны учеными военной экспедиции Бонапарта, показали, что оно возможно только при соединении усилий, направленных на памятник как материальный объект и на изобразительную и письменную информацию, которую он несет, ибо египетская архитектура в огромной степени предназначена для того, чтобы создавать плоскости для размещения этой информации. Три четверти XIX века были посвящены освоению материалов, которые составили основной корпус источников, и изучению принципов языка и письменности (точнее, конечно, языков и систем письма). Этот героический период закончился в конце XIX века выходом грамматик, позволивших достаточно адекватно читать тексты и заложивших основу современной науки. Начался золотой век египтологии, продолжавшийся до Второй мировой войны. Произошло достаточно четкое разделение по специализациям: получение новых материалов (археология), чтение текстов (филология и с меньшими успехами лингвистика), синтетические исследования (реконструкция истории, изучение культуры); при этом все большие ученые были весьма универсальны, в чем была великая сила тогдашней науки. До сих пор, продолжает ли египтология традиции золотого века или же борется с выдвинутыми тогда теориями, все ее силы и слабости идут оттуда. Два или три послевоенных десятилетия были посвящены освоению наследия золотого века, но сами по себе не были временем больших теорий. Последующие полвека стали временем гораздо более полного и тщательного собирания материала, его систематизации и пересмотра многих взглядов и подходов, казавшихся незыблемыми.

Русская египтология возникла на полвека позднее европейской и прошла сложный путь, что объясняет ее специфику. В начале всякого нового дела, как правило, стоят фигуры колоссальные. В России это Владимир Семенович Голенищев, который еще студентом стремительно ворвался в мировую науку и за несколько лет занял в ней одно из лидирующих мест. Великий собиратель и один из лучших знатоков египетского языка, причем со взглядами, сильно отличавшимися от общепринятых, он, однако, совершенно не интересовался преподаванием и поэтому школы не создал. Его ровесник Оскар Эдуардович фон Лемм начал преподавать египетский язык в Петербургском университете, но вскоре отошел от этой деятельности, в результате которой появился только один действующий ученик, однако это был будущий создатель русской школы истории Древнего Востока и египтологии в частности Борис Александрович Тураев. В конце века он начал систематическое преподавание, и нынешняя кафедра Истории Древнего Востока, несмотря на многократные разрывы, перемены названий и административной принадлежности, восходит все же именно к нему. За предвоенные десятилетия ему удалось сплотить вокруг себя группу учеников и единомышленников, которую уже можно называть школой, но к началу 20-х годов от нее не осталось почти никого, включая и ее создателя. Воссоздание школы легло на плечи ученика Тураева Василия Васильевича Струве, к ко-

торому восходит советская египтология. Ей пришлось существовать в своеобразных условиях, когда основной задачей науки о древности стал назначенный сверху поиск рабовладельческого строя. На него были фатально растрачены значительные силы, но, вместе с тем, именно советская египтология сделала больше всех в мире в области социально-экономических отношений. После смерти Струве и его старших учеников традиция была снова близка к прерыванию, но ее подхватили Юрий Яковлевич Перепелкин, которому было уже за шестьдесят, Николай Сергеевич Петровский, Олег Дмитриевич Берлев и Евгений Степанович Богословский. Середина 60-х — начало 90-х, когда в Ленинградском отделении Института востоковедения и в ЛГУ работали эти великие исследователи, стало лучшим временем в истории русской египтологии. Им удалось перейти от ангажированного и формализованного сощэка к поискам тончайших деталей социальной терминологии и понять, что она принципиально несовместима с нашей, увидеть то же самое в сфере мировосприятия, начать построение оригинальной грамматики и проникновение в базовые принципы иероглифики. Школа Перепелкина сохранилась после ухода его последователей, и современная русская египтология продолжает ее, хотя большинство ныне действующих ученых его никогда не видели. Если до 90-х годов главным научным центром был Петербург — Ленинград, то теперь началось активное развитие московской египтологии. Удалось преодолеть соперничество двух столиц и добиться дружеского взаимодействия их до сих пор достаточно различных субтрадиций. Основной интерес стал общекультурным, что характерно для всей мировой египтологии, но он в большой степени базируется на осмыслении интереснейшего наследия предшествующего поколения, которое за пределами России остается малоизвестным, что придает русской египтологии особый интерес. В Москве стала развиваться такая область египтологии, как полевые археологические исследования, которые ранее были невозможными. На качественно новый уровень вышло преподавание египтологических дисциплин; в Петербурге оно ведется на единственной в стране специализированной древневосточной кафедре с уклоном в филологию, в Москве на кафедре Истории Древнего мира Исторического факультета МГУ с предпочтением исторической проблематике. Можно сказать, что наша школа достойно вышла из многих испытаний и сейчас ее существование, возможно, наиболее естественно за последний век.

Редколлегия ВДИ поздравляет всех имеющих отношение к египтологии с двухсотлетием и желает достойного продолжения традиций и новых успехов!

Andrey O. Bolshakov,
Section of Ancient Orient
of the State Hermitage Museum,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: imhotep.ab@gmail.com

А.О. Большаков,
д.и.н.,
зав. сектором Древнего Востока
в Отделе Востока
Государственного Эрмитажа,
Санкт-Петербург, Россия